

∞•∞
Мемуары

УДК 82-94

ИЗ СТУДЕНЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ
Ю. В. Лебедев

В сентябре 1957 года я поступил на вновь открытый историко-филологический факультет Костромского педагогического института им. Н. А. Некрасова. В связи с начинавшимся уже тогда вымиранием русских деревень сельские школы теряли учеников, становились «малокомплектными». Педагогическим вузам поручили готовить для них специалистов «широкого профиля», *преподавателей русского языка, литературы и истории*, готовых вести одновременно все эти предметы. Из двух факультетов, искони существовавших в педагогических вузах, сделали один, слив воедино историков с филологами.

Учебный процесс на таком факультете, несмотря на увеличенный срок обучения с четырёх до пяти лет, оказался очень напряжённым. В нашем расписании в течение пяти лет почти неизменно стояло не три, а четыре пары аудиторных часов. Не все студенты выдерживали эту нагрузку. Даже медалисты, поступавшие в институт без экзаменов, оказывались порой кандидатами на отчисление.

Вместе с тем, наш историко-филологический факультет в конце 1950-х годов, по справедливому замечанию одной из моих однокурсниц, «был далеко не провинциальным». Непререкаемый авторитет у студентов имели три преподавателя: философ Ф.В. Цанн-кай-си, литературовед Н. Н. Скатов и знаток советской поэзии М. Ф. Пьяных. Как магнитом они притягивали к себе студентов, многие из которых стали впоследствии известными учёными, журналистами, общественными деятелями. Назову среди них В. В. Тихомирова, В. М. Благово, Б. М. Козлова, А. В. Торопову, А. М. Крупышева, В. С. Панина, А. М. Кильдышева, Н. А. Смелова.

Курс «Диалектического материализма» Фёдор Васильевич Цанн-кай-си читал нам в течение 1960/61 учебного года. Талантливый преподаватель, вдумчивый философ, он внёс решительный вклад в формирование мировоззрения юных «шестидесятников». Весь жизненный путь

моего поколения сопровождался омертвлением государственной идеологии, губительной формализацией её устоев, истощением духовной сущности её идеалов.

С 17 по 31 октября 1961 года в только что отстроенном Кремлёвском Дворце в Москве проходил XXII съезд КПСС. На нём был принят «Моральный кодекс», призывавший к добросовестному труду на благо общества. Кодекс повторял в усечённом виде христианские заповеди. Он был включён в Третью программу КПСС, которая завершалась знаменитой и печально звучащей в наши дни фразой: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

Примечательно, что в своём понимании коммунистического общества партия выводила на первый план экономическую, а не духовную его ипостась. Поэтому моральный кодекс «повис в воздухе». Обозначился новый и чуждый нам партийный «идеал» – мещанское благополучие. Воспитанные на старых советских традициях, близких к христианским, мы мерили человеческое счастье и достоинство не богатством, смысл своей жизни видели не в накоплении вещей, а в нравственном восхождении, в духовном становлении человека. Об этом убедительно говорил в своих произведениях наш земляк-костромич Виктор Сергеевич Розов. Строки известной песни 30-х годов – «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – были не метафорой, а смыслом жизни моих сверстников. «Меркантильный» лозунг «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения» энтузиазма в моём поколении не вызывал никакого. К тому же он загонял партию в очевидную ловушку. В нашей северной стране с «рискованным земледелием», беспощадно разорённой войной, безумно было соперничать с Америкой, которая на обескровившей нас бойне бессовестно разбогатела и разжирела.

Но и более того! Если бы провозглашённая партией цель оказалась каким-то Божьим чудом достигнутой – она и в этом случае не могла бы воодушевить нас. Все мы, не осознавая этого, жили в советский период иными заповедями: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» (Мф. 6:25).

На опасность буржуазного перерождения партии указал ещё в 1937 году русский философ Н.А. Бердяев. «Ненависть русских коммунистов к христианству, – писал он, – включает в себе противоречие, которого не в состоянии заметить те, чьё сознание подавлено коммунистической доктриной. Лучший тип коммуниста, то есть человека, цели-

ком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ, вследствие переработки натурального человека христианским духом. Результаты этого христианского влияния на человеческие души, чисто незримого и надземного, остаются и тогда, когда в своем сознании люди отказались от христианства и даже стали его врагами. Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах. Этот последний тип и сейчас уже играет не малую роль и от него идет процесс обуржуазивания»¹.

Символ партийной веры в глазах моего поколения терял свою вдохновляющую и одухотворяющую силу. «Оттепель» обернулась неизбежным «застоем». Пришло время нравственной деградации, духовного растрепывания и лжи, когда партийное словоблудие заполонило всё, когда воры стали снисходительно называться «несунами». Руками таких «несунов», будущих «олигархов», «оттепель» завершилась предательской «перестройкой»...

Фёдор Васильевич был решительным противником такого «гуляш-коммунизма». Он пытался вдохнуть в увядающие коммунистические идеалы живую жизнь, пытался лишить эти идеалы мёртвой обрядности, казённого окостенения. В курсе диалектического материализма он уделял большое внимание истории философии. Он приобщал нас к трудам классиков – Платону и Аристотелю, Шеллингу и Гегелю, Фейербаху и молодому Марксу. В своих лекциях он делал основной упор на духовную основу социалистических и коммунистических теорий. Он воспитывал в нас умение мыслить. Он так увлекал нас, что после очередной лекции возникало неудержимое желание продолжить с ним неформальное общение. Нам казалось, что этот человек способен ответить на любой вопрос и разрешить любые сомнения.

И надо сказать, что Фёдор Васильевич среди трёх наших кумиров был, пожалуй, самым демократичным человеком. До сих пор с благодарностью вспоминаю мои путешествия с ним по улице Пятницкой, с поворотом на улицу Островского, а далее – вдоль всей Советской, далеко-далеко, вплоть до Октябрьского посёлка, где ему только что «вы-

¹Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 138–139.

делили от института жилплощадь» в деревянном доме с квартирами на две семьи.

С ностальгией вспоминаются теперь многочасовые общения с нашими преподавателями, философские споры, коллективные чтения стихов любимых поэтов, обсуждения новинок современной литературы. Вспоминаются наши мечты о социализме «с человеческим лицом» и наступившие вслед за этим робкие попытки религиозных поисков, ведущихся в том же направлении.

В журнале «Молодая гвардия» (1959, № 10, 11, 12) вышел тогда в свет роман В. Тендрякова «За бегущим днём», и на факультете прошло его обсуждение. Посвящённый жизни сельского учителя, этот роман задевал за живое, касался острых общественных проблем. На обсуждение пришёл недавно появившийся в Костроме журналист, сотрудник газеты «Северная правда» Игорь Дедков. Это была моя первая с ним встреча. Бросилась в глаза строгая, сосредоточенная манера его поведения и запомнилась вдумчивая речь, напоминавшая неспешное размышление вслух.

Естественно, что, несмотря на «оттепель», слишком открытые общения преподавателей со студентами не могли пройти незамеченными: они вызывали подозрение у институтского начальства и у органов государственной безопасности. На четвёртом курсе наша студенческая семья пережила глубокое потрясение. Гроза случилась после того, как три наши энтузиаста – Н. Н. Скатов, Ф. В. Цанн-кай-си и М. Ф. Пьяных – явились к директору института с серьёзными претензиями. Они настойчиво предлагали освободить студенческую жизнь от формализма, дать ей больше свободы, проводить ежемесячные литературные среды с обсуждением новинок современной литературы, встречаться с костромскими писателями, обсуждать спектакли областного театра, знакомить молодёжь с новыми направлениями в современной музыке, а главное – разрешить критику институтских порядков в студенческих газетах «Педагог» и «Молодость».

Фёдор Маркович Землянский, читавший нам курс истории партии советского периода, насторожился. Неоправданно дерзким показалось ему такое вольномыслие подчинённых ему коллег. Замечу, что Фёдор Маркович был участником обороны Сталинграда. Студенты его уважали. Но старая партийная закалка конца 1930-х годов сказывалась как в его мировоззрении, так и в руководстве институтом. А «сигналы» о «вольностях», допускаемых молодыми преподавателями как в общении со студентами, так и на академических лекциях, ему давно уже поступали.

Фёдор Маркович объявил тревогу. Тут же, как водится, нашлись давно сидевшие на чеку завистники и недоброжелатели. На лекцию Николая Николаевича Скатова, посвящённую творчеству Салтыкова-Щедрина, не без рассчитанного умысла явилась специальная комиссия, в которую вошли старые члены партии. Николай Николаевич говорил, что в «Истории одного города» Салтыков-Щедрин сатирически освещал такие факты отечественной истории, которые оставались неизменными во все эпохи и все времена. И когда речь зашла о градоначальнике Двоекурове, приказавшем глуповским обывателям сеять повсеместно горчицу и персидскую ромашку, у студентов невольно возникла связь с кукурузной кампанией уже «бредившего Америкой» Н. С. Хрущёва.

Лекция вызвала у студентов живую реакцию, но комиссия оценила её резко отрицательно. Николая Николаевича обвинили в антисоветских настроениях. Состоялось обсуждение его кандидатуры на заседании кафедры, вынесшей отрицательный приговор, прошла грозная экзекуция на специально созванном совете института. Было принято решение отстранить его от работы в вузе. Враги нашего кумира торжествовали. Но вдруг, неожиданно для начальства, буквально «на дыбы» поднялась студенческая молодёжь. В защиту своего учителя она организовала петицию. Её скрепили своими подписями не только филологи. Помню, что речь в этой петиции шла о благотворных переменах, наступивших в стране после XX съезда, о появлении нового поколения молодых преподавателей, которые являются выразителями этих назревших изменений, о несправедном, злокозненном неприятии, которое они встречают в лице старых педагогов-консерваторов. Письмо мы послали в «Литературную газету».

В Кострому приехал авторитетный корреспондент, будущий директор Института мировой литературы Феликс Феодосиевич Кузнецов. Институтское начальство, ознакомившись с письмом студентов и почувствовав неприятности в случае его опубликования, не на шутку перепугалось. Ф. Ф. Кузнецова уговорили не печатать письмо в газете, заверив, что дело против Н. Н. Скатова останется без последствий. Но работать в Костроме после всего случившегося Николай Николаевич не решился. Он получил тогда приглашение в Ленинград.

Гонение на Николая Николаевича и на других наших преподавателей после 1961 года на некоторое время прекратили. Однако мою чрезмерную активность в защите учителя взяли на заметку. Я мечтал по окончании института поступить в аспирантуру. Но в те годы это было возможно лишь с целевым направлением от выпускающего вуза, которое обязывало «целевика» по окончании аспирантуры вернуться на ра-

боту в рекомендовавший его институт. Мне за моё «вольнолюбие» и дерзость в таком направлении решительно и безоговорочно отказали.

И тут в мою защиту выступил Фёдор Васильевич. Мудрый человек, он придумал довольно неожиданный и хитроумный ход. По его совету я послал в ректорат официальное прошение, сопроводив его письменным заявлением, в котором отказывался от возвращения в родной институт.

27 марта 1963 года Фёдор Васильевич сообщал мне в Буй, где я по окончании института работал учителем: «Юра! Я знаю, что Вы страшно волнуетесь, но дело в том, что 10-го марта я уехал в Москву на защиту, которая состоялась 21 марта. Защитил единогласно. Защита прошла интересно¹. Приехал только сегодня, 27-го марта. Пишу Вам эту записку, чтобы Вы не волновались, для информации, почему молчу. Завтра же начну выяснять у Шульмана², поскольку Синяжников³ в отпуске. Правда, это хуже – Вы знаете позицию Шульмана во время известных институтских событий, но думаю, что коллективно (я, Михаил Фёдорович, М. Л. Нольман и др.) сумеем добиться такой рекомендации».

Фёдор Васильевич успешно добился этого. В мае 1963 года письменное заявление о моём отказе возвратиться в институт зачитали на заседании совета и, после некоторых колебаний, сочли возможным выдать мне ни к чему не обязывающую рекомендацию.

В 1964 году Фёдор Васильевич вслед за Н. Н. Скатовым покинул Кострому. Он был избран по конкурсу на кафедру философии Владимирского государственного педагогического института, где долгие годы был её заведующим. Но до конца дней своих Фёдор Васильевич не порывал связи с Костромой. Он регулярно возглавлял у нас комиссию по приёму кандидатских экзаменов по философии, воспитывал аспирантов для нашего вуза.

27 декабря 1994 года скончался Игорь Александрович Дедков, с которым Фёдора Васильевича связывали долгие годы очень тёплых дружеских отношений. Помню, как однажды он говорил мне, что из всех своих друзей он пошёл бы в разведку с одним человеком – Игорем Дедковым. Весной, 15 и 16 апреля 1995 года, мы организовали в Костроме поминальные дни Дедкова. Это было очень живое и многолюдное

¹ Напомню, что с 1953 по 1956 год Фёдор Васильевич обучался в аспирантуре на кафедре истории зарубежной философии философского факультета МГУ. Кандидатскую диссертацию по теме «Мировоззрение немецкого революционного демократа Г. Бюхнера» он защитил в 1963 году в институте философии АН СССР.

² Израиль Петрович Шульман был тогда заместителем директора института.

³ Михаил Иванович Синяжников сменил весной 1961 года Ф. М. Землянского на посту директора института.

публичное общение, на которое собрались в первую очередь его друзья, покинувшие Кострому давно и полюбившие Дедкова ещё в годы своей юности. В числе именитых москвичей на этом «братском общении» присутствовали и выступали С. П. Залыгин, В. В. Кожинов, С. С. Лесневский, Н. Б. Биккенин.

Вернувшись во Владимир, Фёдор Васильевич писал: «Дорогие Вера и Юра! Прежде всего, спасибо за Дни памяти Игоря Александровича. Вы сделали так много, чтобы эти дни запомнились. Я даже не сожалею, что мало поговорили: сегодня важнее просто увидеть человека живым и сумевшим вспомнить тебя. Теперь мы научились понимать и чувствовать друг друга без лишних разговоров. Вы представляете, какое это психологическое потрясение увидеть людей, которых не встречал 30 лет: сердце идёт толчками.

Мне очень понравился субботний, „костромской“ день: была мера, такт и много тепла. Юра, ты произнёс душевное и выстраданное слово об Игоре Александровиче. Может быть, стоит послать его Тамаре Фёдоровне? Мне понравилось, как вела К. Котляревская, много справедливого она сказала за эти два дня.

Увы! по-другому прошёл воскресный „московский“ день. Много было разговоров, не имеющих отношения к Игорю. А и те, которые касались его, следовало бы повести позднее, когда начнутся традиционные „Дедковские чтения“. Возможно, часть вопросов вообще не должна быть предметом обсуждения.

Главное, что мы опустили, – это практическая часть: не создали оргкомитет или комиссию по чтениям, не определили тематику хотя бы следующих чтений, не договорились, как будем держать связь и т. д. Может быть, в июне, когда я приеду, соберём небольшой круг людей и попробуем что-то спланировать. С Пасхой, с майскими праздниками, с Днём Победы вас. До встречи в июне. Ваш Ф. Цанн. 22. 04. 1995».

«Юра! В „Свободной мысли“ (2000, № 8) опубликовано моё выступление на прошлогодних чтениях с небольшим, но очень хорошим предисловием о „Дедковских чтениях“ под твоим председательством.

Спасибо за письмо, за добрые пожелания. Дай Бог, чтобы они исполнились, хотя я не верю, что Новый год окажется спокойнее и благожелательнее для людей. <...> Я тоже вспоминаю, как один из светлых дней минувшего года, встречу с Вами в Костроме. И вообще для меня самые дорогие дни – дни встреч с друзьями. Других праздников, не считая семейных, почти не стало. К сожалению, друзей остаётся всё меньше и меньше. Наверное, радиоактивность эпохи приводит к распаду связей и отношений. Жаль, конечно, что так получается, надо бы беречь все

дружеские связи, цепляться за них – ведь это последнее спасение. 29.01.01».

Извести о смерти Фёдора Васильевича 10 октября 2017 года произвело на костромичей, любивших и знавших его, очень тяжёлое и горькое впечатление. О себе не говорю. Я буду рад, если слабые отголоски духовного облика и живого голоса моего учителя увидят свет на страницах книги, посвящённой его светлой памяти.